

УДК 81'33

DOI: 10.26907/2782-4756-2024-78-4-277-282

ПРОБЛЕМА КОНЦЕПТУАЛЬНОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ ВЗРОСЛЕНИЯ РЕБЕНКА В КОНТЕКСТЕ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

© Игорь Кудряшов, Зухра Аглеева

THE PROBLEM OF CONCEPTUAL MODELING OF THE CHILD GROWING UP IN THE CONTEXT OF CHILDREN'S LITERATURE

Igor Kudryashov, Zukhra Agleeva

Based on the five-volume novel "Leningrad Fairy Tales" by Y. Yakovleva, the article systemically identifies multidimensional relationships between stereotypical relevant knowledge and scenarios of the child characters' physical and psychological development, examines the problem of a growing individual's operative memory and its cognitive role in the process of linguistic embodiment of current events. We have established that the reader's attention is focused on the strategies for interpreting objective reality, which are effective for a growing child character in the context of culturally defined children's literature discourse. The processes of growing of a child character are conceptualized in the texts of children's literature based on cultural scenarios and embodied metaphors. In this regard, we can trace the interrelationships between the metaphorical embodiment and the structure of the narrative, in particular, how a child's knowledge of the surrounding reality influences the architectonics of the narrative. The article concludes that textuality is generated and perceived through the prism of physicality, being based on audiovisual channels, and the child-reader maintains communicative contact with the author by activating memories, predetermined by the cultural context, which cause intense emotional reactions. Of essential importance in the format of children's literature are such aspects of age-related cognizing of the current eventuality as stereotypical background knowledge and cognitive scripts, which, in turn, are predetermined by physical and cultural vectors, embodied models of consciousness as developed patterns of expression that exist in the discursive construction of childhood. Child-readers rely on cognitive functions such as memory, perception and emotion to analyze cause-and-effect relationships in a storyline. All of these cognitive functions work together to convey information about the emotional potential and collective nature of storytelling.

Keywords: children's literature, physical and psychological growing-up, embodied metaphor, cultural scenario, memory, child-reader

На материале пятитомного романа «Ленинградские сказки» Ю. Яковлевой в статье системно выявляются многомерные взаимоотношения между стереотипными актуальными знаниями и сценариями физического и психологического развития персонажа-ребенка, исследуется проблема оперативной памяти подрастающего индивида и ее когнитивной роли в процессе языкового воплощения текущей событийности. Установлено, что читательское внимание фокусируется на стратегиях интерпретации объективной реальности, которые являются действенными для взрослеющего персонажа-ребенка в контексте культурно определенных дискурсов детской литературы. Процессы взросления персонажа-ребенка концептуализуются в текстах детской литературы преимущественно с опорой на культурные сценарии и воплощенные метафоры. В связи с этим прослеживаются взаимосвязи между метафорическим воплощением и структурой повествования: в частности, как познание окружающей действительности ребенком оказывает влияние на архитектуру повествования. Делается вывод о том, что текстuality порождается и воспринимается сквозь призму телесности и с опорой на аудиовизуальные каналы, а читатель-ребенок поддерживает коммуникативный контакт с автором, в том числе активировав воспоминания, предопределяемые культурным контекстом, все еще вызывающие интенсивные эмоциональные реакции. В формате детской литературы сущностное значение приобретают такие аспекты познания окружающей реальности, имеющие отношение к взрослению, как актуальные стереотипные знания и сценарии, которые, в свою очередь, обусловлены биофизическими и культурными факторами, воплощенные паттерны мышления как разработанные модели выражения, которые существуют в дискурсивной конструкции детского возраста. Читатели-дети полагаются на такие когнитивные функции, как память, восприятие и эмоции, чтобы анализировать причинно-следственные связи в сюжетной ли-

нии. Все эти когнитивные функции работают сообща, чтобы донести информацию об эмоциональном потенциале и коллективной природе повествования.

Ключевые слова: детская литература, физическое и психологическое взросление, воплощенная метафора, культурный сценарий, память, читатель-ребенок

Для цитирования: Кудряшов И., Аглеева З. Проблема концептуального моделирования взросления ребенка в контексте детской литературы // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 4 (78). С. 277–282. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-78-4-277-282

Актуальность исследования заключается в том, что концептуализация становления детской индивидуальности лежит в основе формирования как сюжетной линии повествования, так и читательской компетенции целевого адресата текста, представителей подрастающего поколения. При этом постепенный переход от инфантильного солипсизма к многомерному социальному сознанию в ходе постижения реальности и самовосприятия зеркально отражается как в образах героев произведений, так и в личностях юных читателей. Цель исследования – проследить, как многомерное отражение физического и психологического взросления совпадает с тем моментом повествования, когда типизированный персонаж приобретает действенные знания и прозрения об окружающем – не всегда добром и ободряющем – универсуме и, следовательно, становится более зрелой личностью.

В этой связи решаются следующие задачи:

1) проследить взаимосвязи между стандартными сценариями (такими, в частности, как «взрослеющий ребенок в нестабильной исторической обстановке») и тем, как воплощенные в них образы персонажей-детей предопределяют характер когнитивного восприятия сценария читателем-ребенком;

2) проанализировать, как взросление ребенка воспроизводится с опорой на воплощенные метафоры, которые являются механизмом неявного сравнения процессов психического роста с физически выражаемыми переживаниями;

3) выявить, как процессы воплощения культурных сценариев и концептуальной метафоры влияют на дискурсивное моделирование сюжета автором и ее последующее осмысление подрастающим читателем с опорой на память, восприятие и эмоции.

Производимый в статье анализ механизмов и средств художественной концептуализации взросления – обработка актуальной информации сознанием в формате культурных сценариев и метафоры – опирается на исследования когнитивной лингвистики и теории текста. Общим знаменателем данного анализа выступают постулаты о том, что:

1) воплощенная способность к категоризации влияет на формирование представлений об окружающей повседневности [1, с. 58];

2) некогда сформированные репрезентации предопределяют последующие навыки целостно воспринимать объективную реальность [2, с. 37].

Научная новизна исследования связывается с доказательством того, что потребность персонажа-ребенка в концептуализации тревожной и проблематичной повседневности приводит к доминированию в сознании представлений о мире, которые являются метафорическими как в ментальном плане, так и языковой фиксации. Установлено, что процессы осознанного ментального структурирования актуальной информации – как и детализация лингвистической компетенции – в терминах формирования культурных сценариев и метафорического воплощения характеризуются у персонажей-детей особой интенсивностью.

Начиная с раннего детства метафоры формируют оперативную базу для обработки актуальной информации [3, с. 89]. Взросление – это комплексный феномен, понимание которого предопределяется соотношением с процессами воплощения [4]. Эмоциональное взросление ребенка квалифицируется как воплощенное переживание [5, с. 42–43]. Схема повествования, включающая мотив столкновения взрослеющего героя с реальностью, порождает захватывающую сюжетную линию, поскольку подразумевает приобретение повседневного опыта, предполагающего метафорическое путешествие. Это путешествие часто анализируется в терминах жизненных этапов, которые предстоит пройти взрослеющему герою [6]. Как следствие бесконечного поиска себя, герой претерпевает экзистенциальную метаморфозу, которая облегчает восприятие и осознание мира взрослых, сталкивается с этим обескураживающим миром [7, с. 74].

Память, восприятие и эмоции квалифицируются как базовые функции рационального сознания [8, с. 102]. Анализ специфики активации этих функций и механизмов в авторском и читательском сознании является эпистемологической основой изучения того, что собой представляют литературные знания [9, с. 29]. Когнитивная тео-

рия текста настаивает на том, что функционирование сознания играет конструктивную роль в культурном производстве: мышление формируется как внешними (дискурсивными), так и внутренними (когнитивными) факторами [10, с. 63]. Концепция, связывающая воплощение с познавательными процессами, основывается на когнитивной идее сценариев [11, с. 28]. Сценарий – это (1) динамичный репертуар, состоящий из ряда последовательностей, своего рода структуры памяти, хранящие знания об определенных ситуациях и формирующие основу понимания этих ситуаций; (2) то, как будет разворачиваться последовательность событий [12, с. 44, 52, 67].

В когнитивной нарратологии сценарии приобретают исследовательскую ценность при изучении их предопределенности стереотипными знаниями, способности в той или иной степени изменять устойчивые шаблоны поведения и восприятия [13, с. 94]. Если сценарии свести к наименьшему общему знаменателю, их можно представить в качестве эффективного способа сознания сохранять экзистенциальные процессы в виде стереотипных знаний [14, с. 153]. В романе «Дети ворона», первой книге цикла «Ленинградские сказки», множество сценариев переплетаются, создавая несколько сюжетных линий: миф о Ленинграде, основывающийся на перевернутом мире предвоенной советской повседневности, сочетается с историями маленького героя Шурки, который вместе со старшей сестрой – через диалоги с птицами – отправляется на поиски загадочного Ворона, «унесшего» их родителей.

Сценарная упаковка сюжетной линии повествования, разворачивающейся на фоне предвоенного Ленинграда, вызывает читательское чувство эмпатии по отношению к главному герою, взрослому Шурке. Выдвижение актуальных сценариев на передний повествовательный план соотносится с теми фрагментами, в которых рассказчик воспроизводит альтернативные точки зрения на текущее положение дел, чтобы сфокусировать читательское внимание на эмоционально-волевых состояниях взаимодействующих персонажей, Шурки и Тани. Повышение читательской осведомленности реализуется, как правило, через преувеличение последствий, критическую оценку действий Шурки со стороны Тани. Ср.:

«– Совершенно незнакомый человек просто так угостил тебя эскимо? Вот чудеса! Глядите, граждане! – Угостил. Свою порцию даже мне отдал... Танины глаза вдруг распахнулись. Из щелок превратились в два огромных ... крыжовника. – И ты обе съел? – А вот и съел. Шурка с вызовом посмотрел на нее. Ну что теперь скажет? – Шурка! Шурка сложил руки на

груди, придав лицу надменное выражение. Танька стояла с разинутым ртом, как громом пораженная... – Обе съел, – горделиво подтвердил он... – Шурка! Теперь она не шутила» [15, с. 36].

В цитируемом фрагменте активируется культурный сценарий, определяющий правила общения ребенка с незнакомыми людьми. Согласно этому сценарию, Шурка не должен был брать мороженое у незнакомого человека. Сценарий оказывается в фокусе внимания читателя как следствие моделирования диалогического общения персонажей, в котором стимулы и реакции характеризуются контрастными иллюзиями: Шурка и Таня высказывают противоположные точки зрения на обсуждаемое положение дел. В ходе спора явно проявляется полярность эмоционально-волевого настроения персонажей: Шурка выражает спокойствие и невозмутимость, Таня – крайнее удивление и испуг. Автор стимулирует читателя, взрослого ребенка, размышлять об эмоциональном развитии персонажей, соотносить полученные знания со своим повседневным жизненным опытом. Персонажи иллюстрируют этот момент: акцент Шурки на отсутствии соперничества Тани (ср. характеристики брата, подчеркиваемые рассказчиком: *с вызовом посмотрел на нее, сложил руки на груди, придав лицу надменное выражение, горделиво подтвердил*) подтверждает, что читатель осознает важность эмпатии в создании конструктивной атмосферы общения.

Сущностным механизмом реализации детских сценариев персонажами является мышечная память. Например:

«Продавщица откинула доску-стол... – А вы почему одни? Без взрослых? – спросила она. – А бабушка у Гостиного двора ждет, – соврала Таня. ... Таня увидела, как продавщица, кивнув напарнице..., отошла к черному блестящему телефону и сняла трубку. – Шурка, бежим, – прошептала Таня. Они выкатились в торговый зал, выскочили на улицу... Шмыгнули в ближайшую подворотню» [Там же, с. 52].

В детской картине мира вступление в коммуникативный контакт с незнакомыми людьми всегда трактуется как угроза безопасности. Этот когнитивный посыл закладывается родителями с самого раннего детства (в контексте анализируемого повествования: не говори с незнакомцами, они тебя отправят в милицию!), формируется у детей в качестве условного рефлекса, предотвращающего психологическую травму. В связи с этим реализация указанного посыла детьми осуществляется на уровне автоматической мышечной памяти, которая предполагает мгновенную

реакцию в виде: (1) сокрытия истинного положения дел (ср. реплику Тани о том, что бабушка ждет их у Гостиного двора); (2) стремительного бегства и укрытия в надежном пространстве (ср. предикаты, выражающие одноактный характер, молниеносность действий детей: *выкатились, выскочили, шмыгнули*); (3) безопасного владения эмоциями и телом.

Старшие дети всегда отвечают за безопасность тех, за кем присматривают и о ком заботятся (ср. императивную реплику Тани, побуждающую Шурку к совместному действию бегства). В результате мышечная память нейтрализует страх персонажей, камуфлируя сценарий бегства от незнакомцев, которые представляют собой явную угрозу для детей, под сценарий увлекательного приключения и геройства. Взрослеющие дети проявляют умение справляться с переполняющим их чувством страха, контролировать вербальное и невербальное поведение, чтобы сохранить эмоциональную и физическую безопасность для себя. У ног Тани есть мышечная память – точно так же, как «мышцы» ее сознания хранят воспоминания о предшествующих аналогичных событиях, – которая позволяет ей решительно действовать в сложившейся ситуации. Восстановление точных воспоминаний дает возможность Тане вырасти и повзрослеть настолько, чтобы мгновенно найти релевантное решение в новой ситуации-угрозе, обеспечить безопасность младшему брату.

Когнитивная нарратология не отдает предпочтение воплощению перед дискурсом, но предлагает осознать, как воплощение влияет на дискурс посредством концептуализации. Отмечается, что когнитивное освоение искусства, языка и литературы связывается с моделями мышления и способами выражения и природой их взаимосвязи [16, с. 73]. В «Ленинградских сказках» Ю. Яковлевой сценариями оказываются воплощенные метафоры. Согласно Дж. Лакоффу и М. Джонсону, «каждая первичная метафора имеет минимальную структуру и возникает естественно, автоматически и бессознательно в ходе повседневного опыта посредством слияния, в ходе которого формируются междисциплинарные ассоциации» [17, с. 49]. Распространенной первичной метафорой является тело – это вместилище. При постижении окружающей действительности главный герой «Ленинградских сказок» часто опирается на эту базовую метафору. Так, Шурка, со слов рассказчика, воспринимает свое тело как вместилище, в которое заселились инородные объекты, являющиеся метафорическими обозначениями страха и голода:

«– Пей залпом! Шурка послушно выпил. В животе теперь, казалось, стоял стеклянный шар» [15, с. 38].

Герой также воспринимает тела других детей как контейнеры:

«Таня и Бобка смотрели на него ошалело. У Бобки замер за щекой тающий кусок, он шумно проглотил слюну» [18, с. 36].

Как представляется, указанная тенденция реализует в тексте две авторские цели: (1) возможность воспроизвести психологическое становление взрослеющего героя в терминах его физического образа, релевантного для читательского восприятия; (2) фиксирование читательского внимания на воплощенных метафорах, раскрывающих взаимосвязи между разумом и телесностью.

Вместилище его тела в буквальном смысле испытывает недостаток еды и в переносном смысле переполняется остро ощущаемыми эмоциями. Более того, он думает о тоске по дому как о внутреннем чувстве в животе: он отождествляет тоску по дому с чувством тяжести в животе, а о боли думает как о чем-то, что проникает в его тело снаружи внутрь:

«Непослушные от усталости ноги запнулись одна об другую, Шурка со всего маху грохнулся на каменный пол. Боль пронзила разбитые колени и локти» [15, с. 142].

Шурка описывает себя как ребенка, сдерживающего эмоции, потому что он воспринимал свое тело в качестве вместилища. Герой объединяет физическую наполненность (или пустоту) с эмоциональной наполненностью (или опустошенностью) в сенсомоторном опыте, который зависит от его субъективного опыта и влияет на него. Шурка не осознает того факта, что сам создает эту логику, относящуюся к предметной области; он проводит эти сравнения без особых усилий. Тем не менее его концептуализации неотделимы от его воплощения. Базовая метафора тело – это вместилище сочетается с другой базовой метафорой изменение – это движение, порождая читательские метафорические представления о том, что тело Шурки – это живое вместилище в путешествии: тело как-вместилище путешествует по жизни. Создавая сложные метафоры, главный герой демонстрирует предопределенность сценариев взросления их имманентным смешением, а также то, что эти сочетания способствуют сохранению культурных нарративов. Шурка воспринимает перемещения в физическом пространстве

(по Ленинграду, в эвакуацию) как метафорическое путешествие взросления. Его тело как вместилище, наполненное пирожными и лимонадом, чувствует себя «вжавшимся в угол», стремящимся в зону комфорта. Герой чувствует себя раздробленным, потому что часть его тела, служащая вместилищем, не путешествовала вместе с ним: та часть его эмоций, которая, по его ощущениям, осталась с его семьей:

«Шурке все это надоело. Он хотел обратно в тот мир, где ... мама, папа и Бобка дома» [15, с. 57].

В конечном счете собственная сила помогает Шурке достичь единственно возможного пункта назначения – внутреннего самоутверждения. Воплощенные представления и опыт приводят к созданию языка, который, в свою очередь, усиливает эти представления и опыт. Хотя этот процесс в значительной степени неосознаваем, создание культурных нарративов, тем не менее, зависит от сочетания сложных метафор и сценариев.

Процессы взросления в детской литературе выражаются как через воплощенные метафоры, так и через сценарии психологического и физического роста индивида. Один из способов обобщения сценария взросления в детской литературе заключается в следующем: ребенок переживает кризис, узнает что-то о том, как справиться с этим кризисом, и в результате растет. Тема взросления приобрела роль культурного нарратива: от ребенка требуется расти.

Культурные нарративы – это сценарии, которые прививают детям определенную экзистенциальную идеологию, разрабатываются таким образом, чтобы устанавливать и внедрять некоторые модели мира. Их базовая функция состоит не в том, чтобы проблематизировать мир, который читатели только думают, что знают, а скорее в том, чтобы помочь им приобрести больше стратегий для знакомства с ним.

Список источников

1. Дмитриева Д. Ю., Самигуллина А. С. Лингвокогнитивный подход к проблеме категоризации интеллектуальных способностей человека (на материале английского языка). Краснодар: Издательский дом «ХОРС», 2018. 152 с.
2. Маслова В. А. Введение в когнитивную лингвистику. М.: Флинта, 2018. 296 с.
3. Гридина Т. А., Коновалова Н. И. Метафора в свете национальной ментальности. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2020. 226 с.
4. Кокконен Е. И., Рыжкова Е. В. В фокусе – человек: проблемы взросления. Великий Новгород:

Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, 2024. 106 с.

5. Терещенко В. В. Современный подросток в системе отношений взаимодействия «ребенок – взрослый». Смоленск: Смоленский государственный университет, 2015. 172 с.
6. Аверин В. А. Психология развития человека: рождение и жизнь. СПб: СпецЛит, 2021. 432 с.
7. Нефедова Л. К. Онтологическая семантика образов детства. Омск: Амфора, 2010. 194 с.
8. Гадиева М. З. Когнитивная психология. Махачкала: Алеф, 2018. 154 с.
9. Нефедова Л. К. Граничное бытие детства. Омск: Омский государственный педагогический университет, 2005. 111 с.
10. Александрова М. И. Подтекст как феномен когнитивно-прагматической организации текста. Ростов-на-Дону: АкадемЛит, 2016. 138 с.
11. Филатова А. А. Когнитивные формы культуры. Ростов-на-Дону: Южный федеральный университет, 2009. 248 с.
12. Ардашев Р. Г. Феномен сознания в социально-философском аспекте. М.: Российский государственный социальный университет, 2022. 160 с.
13. Мельчук О. А. Повествование от первого лица. Интерпретация текста. М.: Московский государственный университет, 2002. 208 с.
14. Огнева Е. А., Гламазда С. Н. Концепция контекстной поляризации. М.: Эдитус, 2021. 230 с.
15. Яковлева Ю. Ленинградские сказки. Дети ворона. М.: Самокат, 2021. 264 с.
16. Нефедова Л. К. Философский смысл детства. Омск: Амфора, 2020. 153 с.
17. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: УРСС, 2023. 255 с.
18. Яковлева Ю. Ленинградские сказки. Краденый город. М.: Самокат, 2021. 424 с.

References

1. Dmitrieva, D. Yu., Samigullina, A. S. (2018). *Lingvokognitivnyi podkhod k probleme kategorizatsii intellektual'nykh sposobnostei cheloveka (na materiale angliiskogo yazyka)* [Linguocognitive Approach to the Problem of Categorization of Human Intellectual Abilities (based on the English language)]. 152 p. Krasnodar, Izdatel'skii dom "HORS". (In Russian)
2. Maslova, V. A. (2018). *Vvedenie v kognitivnuyu lingvistiku* [Introduction to Cognitive Linguistics]. 269 p. Moscow, Flinta, Nauka. (In Russian)
3. Gridina, T. A., Kononova, N. I. (2020). *Metafora v svete natsional'noi mental'nosti* [Metaphor in the Light of National Mentality]. 226 p. Ekaterinburg, Ural'skii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet. (In Russian)
4. Kokkonen, E. I., Ryzhkova, E. V. (2024). *V fokuse – chelovek: problemy vzrosleniya* [The Focus is on Man: The Problems of Growing Up]. 106 p. Velikii Novgorod, Novgorodskii gosudarstvennyi universitet im. Yaroslava Mudrogo. (In Russian)
5. Tereshchenko, V. V. (2015). *Sovremennyyi podrostok v sisteme otnoshenii vzaimodeistviya "rebenok*

– *vzroslyi*” [The Modern Teenager in the System of the Child –Adult Interaction]. 172 p. Smolensk, Smolenskii gosudarstvennyi universitet. (In Russian)

6. Averin, V. A. (2021). *Psihologiya razvitiya cheloveka: rozhdenie i zhizn'* [Psychology of Human Development: Birth and Life]. 432 p. St. Petersburg, SpecLit. (In Russian)

7. Nefedova, L. K. (2010). *Ontologicheskaja semantika obrazov detstva* [Ontological Semantics of Childhood Images]. 194 p. Omsk, Amfora. (In Russian)

8. Gadieva, M. Z. (2018). *Kognitivnaya psihologiya* [Cognitive Psychology]. 226 p. Mahachkala, Alef. (In Russian)

9. Nefedova, L. K. (2005). *Granichnoe bytie detstva* [The Borderline Existence of Childhood]. 111 p. Omsk, Omskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet. (In Russian)

10. Alexandrova, M. I. (2016). *Podtekst kak fenomen kognitivno-pragmaticheskoi organizatsii teksta* [Subtext as a Phenomenon of Cognitive-Pragmatic Text Organization]. 138 p. Rostov-na-Donu, AkademLit. (In Russian)

11. Filatova, A. A. (2009). *Kognitivnye formy kul'tury* [Cognitive Forms of Culture]. 248 p. Rostov-on-Don, Yuzhnyi federal'nyi universitet. (In Russian)

12. Ardashev, R. G. (2022). *Fenomen soznaniya v sotsial'no-filosofskom aspekte* [The Phenomenon of Consciousness in the Socio-Philosophical Aspect]. 160 p. Moscow, Rossiiskii gosudarstvennyi sotsial'nyi universitet. (In Russian)

13. Melchuk, O. A. (2002). *Povestvovanie ot pervogo litsa. Interpretatsiya teksta* [Narration in the First Person. Interpretation of the Text]. 208 p. Moscow, Moskovskii gosudarstvennyi universitet. (In Russian)

14. Ogneva, E. A., Glamazda, S. N. (2021). *Kontseptsiya kontekstnoi polyarizatsii* [The Concept of Contextual Polarization]. 230 p. Moscow, Editus. (In Russian)

15. Yakovleva, Y. (2021). *Leningradskie skazki. Deti vorona* [Leningrad Fairy Tales. Raven's Children]. 264 p. Moscow, Samokat. (In Russian)

16. Nefedova, L. K. (2010). *Filosofskii smysl detstva* [The Philosophical Meaning of Childhood]. 153 p. Omsk, Amfora. (In Russian)

17. Lakoff, J., Johnson, M. (2023). *Metafori, kotorymi my zhivem* [The Metaphors We Live By]. 255 p. Moscow, URSS. (In Russian)

18. Yakovleva, Y. (2021). *Leningradskie skazki. Kradenyi gorod* [Leningrad Fairy Tales. The Stolen City]. 424 p. Moscow, Samokat. (In Russian)

The article was submitted on 15.11.2024

Поступила в редакцию 15.11.2024

Кудряшов Игорь Александрович,
доктор филологических наук,
профессор,
Южный федеральный университет,
344008, Россия, Ростов-на-Дону,
Б. Садовая, 105 / 42.
igalk@mail.ru

Аглеева Зухра Равильевна,
доктор филологических наук,
профессор,
Астраханский государственный университет
им. В. Н. Татищева,
414056, Россия, Астрахань,
Татищева, 20 А.
z.agleeva@yandex.ru

Kudryashov Igor Aleksandrovich,
Doctor of Philology,
Professor,
Southern Federal University,
105/42 B. Sadovaya Str.,
Rostov-on-Don, 344008, Russian Federation.
igalk@mail.ru

Agleeva Zukhra Ravil'evna,
Doctor of Philology,
Professor,
V. N. Tatishchev Astrakhan State University,
20 A Tatishchev Str.,
Astrakhan, 414056, Russian Federation.
z.agleeva@yandex.ru